

Михаил Иванович Туган-Барановский

Пьер Жозеф Прудон.

Его жизнь и

общественная деятельность

Жизнь замечательных людей

Михаил Туган-Барановский

**Пьер Жозеф Прудон. Его жизнь
и общественная деятельность**

«Public Domain»

Туган-Барановский М. И.

Пьер Жозеф Прудон. Его жизнь и общественная деятельность
/ М. И. Туган-Барановский — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

© Туган-Барановский М. И.

© Public Domain

Содержание

ГЛАВА I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Михаил Иванович Туган-Барановский Пьер Жозеф Прудон. Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк М. Туган-Барановского

С портретом Прудона, гравированным в Лейпциге Геданом

ГЛАВА I

Детство Прудона. – Занятия в колледже. – Работа в типографии. – Дружба с Фалло. – Первый литературный труд и получение стипендии Сюара

Пьер Жозеф Прудон родился 15 января 1809 года в предместье города Безансона, родины В. Гюго. Его отец был крестьянином и служил рабочим на пивоваренном заводе. Когда в 1814 году во время осады Безансона пивоваренный завод был разрушен, Прудон-отец переменял свое занятие – купил дом и устроил на собственный счет бочарное заведение. Но ему вообще не везло в хозяйственных предприятиях: бочарное заведение шло плохо, и семья жила впроголодь, на краю нищеты. Небольшой участок земли, которым он владел, был продан в уплату долга, жить стало еще труднее. Будущему противнику собственности и процента пришлось рано познакомиться с неприятными последствиями кредита в современной его форме. По этому поводу он делает замечание в одном из своих сочинений, что, если бы во Франции существовала правильная организация земельного кредита, из него мог бы выйти мирный деревенский собственник. С последним, разумеется, согласиться довольно трудно, так как Пьер Жозеф обладал слишком сильной и независимой натурой, чтобы удовлетвориться обыденным существованием.

Его отец, по отзывам лиц, его знавших, был человек малообразованный, не выдающийся ничем особенным, но честный и прямой. Он происходил из младшей линии рода Прудонов. Члены старшей линии стояли выше по своему общественному положению и принадлежали к среднему кругу. Один из них был известным профессором и юрисконсульту в Дижоне. Члены младшей линии были бедны и жили ручным трудом; старшие Прудоны являлись консервативным элементом и, обладая достаточными имущественными средствами, пользовались всеми благами жизни. Между обеими линиями существовал некоторый традиционный антагонизм. Несмотря на неравенство общественного положения, родственники встречались довольно часто, и тут между ними происходили разные стычки, вызывавшиеся различием их взглядов и убеждений. Будущему писателю пришлось не раз присутствовать при таких стычках, и он рассказывал впоследствии, как страдало при этом его детское самолюбие и как тяжело ему было переносить пренебрежительное отношение богатых родственников.

Мать Пьера Жозефа, Катерина Прудон, была женщина с настойчивым и упорным характером; она заправляла всем в доме и пользовалась большим уважением всей семьи. Пьер Жозеф унаследовал ее характер и был к ней очень привязан. В зрелом возрасте, несмотря на всю разницу в их развитии, он оставался таким же любящим и нежным сыном, каким был в детстве. Свою старшую дочь он назвал в память матери Катериной. Вообще, Прудон гордился своими родителями, любил рассказывать разные эпизоды из их жизни, и когда в 1848 году ему случилось оппонировать в палате одному легитимисту, хваставшемуся знатностью своего рода – он воскликнул: “У меня 14 предков мужиков – назовите мне хоть одно семейство, имеющее столько благородных предков!”

До 12 лет Пьер Жозеф вел обычную жизнь деревенского мальчика, пас коров, проводил целые дни в поле. Свою пастушескую жизнь он описывает такими поэтическими красками:

“Сколько удовольствия доставляло мне валяться в густой траве, которую я хотел бы есть, как мои коровы; бегать босиком по тропинкам, лазить по деревьям, ловить лягушек и раков! Сколько раз мне случалось теплым июньским утром скидывать одежду и купаться в росе! Я едва отличал себя от окружающей природы. Я – это было все, что я мог взять рукой, все, что могло мне на что-нибудь пригодиться; *не я* — все то, что мне было неприятно. Я наполнял свои карманы ежевикой, зеленым горошком, зернами мака, терном, шиповником; я наедался разной дрянью, от которой заболел бы всякий благовоспитанный ребенок и которая только увеличи-

вала к вечеру мой аппетит. Сколько раз мне приходилось мокнуть под проливным дождем! Сушить свою одежду на солнце или на ветре! Я любил своих коров, но не всех одинаково; я предпочитал ту или другую курицу, то или другое дерево, тот или другой утес. Мне сказали, что ящерица – враг человека; я этому искренне верил. Я воевал со змеями, жабами и гусеницами. Что они мне сделали? Ничего. Но я их ненавидел”.

Такая привольная деревенская жизнь не прошла для Прудона бесследно. По роду своих занятий он должен был жить в городе; но детские воспоминания неотразимо привлекали его в деревню, на берега Оньюна, туда, где родилась его мать и где она умерла. Ему пришлось так много вынести в своей жизни, возбудить против себя столько ненависти и злобы, что он не мог не чувствовать временами усталости и упадка сил; в такие минуты он говорил, что может быть счастлив только в своей родной деревушке и что там он должен закончить свою жизнь.

Но Прудону недолго пришлось жить в деревне. Нужно было зарабатывать хлеб, и он поступает в услужение в гостиницу. Переход от полной свободы к скучной и неинтересной работе в городе был для него очень тяжел. Он и раньше отличался нелюдимостью – теперь же сделался еще более замкнутым и сосредоточенным в себе.

При помощи и протекции Рено, бывшего владельца того самого пивоваренного завода, где служил отец Прудона, родителям удалось поместить его в коллеж. Пьеру Жозефу приходилось учиться при самых неблагоприятных условиях. Книг у него не было, так как не на что было их купить; его наказывали, по его собственным словам, более ста раз за неимение учебников. Переводил он без лексикона и значение незнакомых слов узнавал, приходя в коллеж перед началом уроков. В свободное от учения время он исполнял разные хозяйственные поручения отца. Несмотря на все это, мальчик учился прекрасно и шел одним из первых. С товарищами он не сходилась и держался особняком.

Уже в это время Прудон начинал размышлять о несправедливости судьбы, которая заставляет его покупать ценой громадных усилий то, что другим дается даром. Он сознавал себя умнее, способнее и энергичнее своих сверстников, между которыми было много богатых людей. Бедность, говорил юноша, не есть порок, но она хуже порока. Он решил разбогатеть, выбиться из той колеи, в которую поставила его судьба. Но как разбогатеть? Отец его трудился и трудится всю жизнь. Однако же он не богат. Следовательно, одна работа не дает богатства; нужно знание, в знании заключена великая сила, и только с ее помощью можно сделаться богатым и могущественным, можно добиться успеха в жизни. И Прудон со странным увлечением читал и перечитывал все, что попадалось ему под руку.

Не нужно забывать, что он развивался совершенно самостоятельно, без всякой помощи и руководства с чьей бы то ни было стороны. Прудон был в полном смысле слова самоучкой. С 12 лет он усердно посещал городскую библиотеку и спрашивал всегда так много книг и книг такого разнообразного содержания, что под конец решительно заинтересовал собою ученого библиотекаря и академика Вейса. Последний однажды спросил угрюмого и застенчивого мальчика, избегавшего всяких разговоров с чужими людьми, зачем нужно ему столько книг. Прудон поднял голову, посмотрел, нахмурившись, на Вейса и коротко ему ответил: “Какое вам до этого дело?”

Первые книги, которые он мог назвать своими собственными, были сочинения по большей части религиозно-нравственного содержания, полученные им в награду за успехи в коллеже. Случилось так, что в тот самый день, когда в колледже происходила торжественная раздача наград, семья Прудона со страхом ожидала решения одного процесса, неудача которого могла окончательно ее разорить. Пьер Жозеф вернулся домой, увенчанный лаврами, и застал мать в слезах: процесс был проигран. Легко представить себе впечатление, которое должны были производить такие события на душу самолюбивого, восприимчивого мальчика.

Детская любознательность предоставленного самому себе ребенка прежде всего обратилась на вопросы религиозного характера. Ему случилось получить в награду книгу Фене-

лона “О доказательстве бытия Божия”. Он искренне и наивно верил в Бога, но доказательства Декарта, приводимые Фенелоном, его не удовлетворяли. Его мучили религиозные сомнения, и он пытался сам разрешить их, но скоро убедился, что задача ему не по силам; тогда он с жадностью набросился на теологическую литературу и стал читать одно за другим богословские сочинения. Тринадцатилетнему мальчику трудно было разобраться в противоречивых мнениях, с которыми ему приходилось сталкиваться, и всякая новая книга возбуждала в нем всё новые и новые сомнения. Он исповедовал последовательно все ереси, осужденные церковью в первые века христианства, в конце концов остановился на религии, знакомой ему с детства, и сделался на некоторое время верующим католиком.

Когда Прудону исполнилось 19 лет, он оставил колледж, не закончив курса, по недостатку материальных средств, и поступил рабочим в типографию Готье в Безансоне. С этого времени начинается его самостоятельное трудовое существование. В его жизни было много перемен, ему случалось пользоваться большим политическим влиянием, и были моменты, когда он мог мечтать сделаться президентом Французской республики, но он всегда оставался бедным и трудящимся человеком. Его мечты разбогатеть не осуществились. Литература дала ему славу, но не могла доставить верного и обеспеченного заработка, и ему пришлось впоследствии не раз сожалеть о брошенном типографском станке. С особенной любовью он сохранял до конца жизни свою рабочую книжку, куда вносились отзывы его хозяев. Отзывы были самые хорошие.

Так как типография Готье издавала по большей части книги теологического характера, молодому рабочему представился удобный случай увеличить свои, и без того довольно обширные, теологические познания. Заинтересовавшись текстом латинского перевода Библии, он принялся за изучение греческого и еврейского и в скором времени мог на обоих языках читать довольно свободно.

Примерно в это время он познакомился с замечательным человеком – Густавом Фалло, которому преждевременная смерть помешала достигнуть известности. Судьба Фалло во многих отношениях напоминает судьбу самого Прудона. Оба были бедны, должны были биться из-за куска хлеба, оба соединяли горячую любовь к знанию с умением и привычкой трудиться. Фалло был первым, кто получил в Безансонской академии стипендию имени Сюара. Эта стипендия должна была выдаваться молодым людям, проявившим выдающиеся научные или литературные дарования, но не обладающим достаточными средствами к жизни. Фалло редактировал некоторые издания Готье на латинском языке. Он заинтересовался молодым наборщиком, которому случалось поправлять ошибки в латинском тексте, ускользавшие от его собственного внимания. Мало-помалу они сблизились и подружились. Фалло был первым другом Прудона, и тот до конца своей жизни не мог его забыть. Они решили жить вместе, делить пополам академическую стипендию и общими силами выбиться на дорогу. Сохранилось одно довольно интересное письмо, где Фалло предсказывает блестящую будущность молодому безвестному наборщику. Он пишет: “Вы будете, Прудон, вопреки Вашей воле, неизбежно, писателем и профессором; Вы будете одним из светил нашего века и Ваше имя будет такой же славой XIX столетия, как имена Гассенди, Декарта, Мальбранша и Бэкона – слава XVII, а имена Дидро, Монтескье, Гельвеция, Локка, Юма и Гольбаха – слава XVIII столетия. Делайте, что хотите; работайте в типографии, давайте уроки, удалитесь в самую глухую и заброшенную деревню, все равно: Вы не избежите своей участи”.

Но Фалло не пришлось дожить до того времени, когда друг его действительно сделался писателем и начал приобретать известность. Он умер в 29 лет, через несколько лет после получения стипендии Сюара.

В качестве наборщика Прудон в 1831 году отправился странствовать по Франции, работая в разных провинциальных городах. Он побывал на юге, в Марселе и Тулоне. В Тулоне у него произошло столкновение с местным мэром, которое довольно хорошо обрисовывает молодого

Прудона. Он не мог найти себе работы; в кармане у него было только около рубля. Но молодой наборщик не терял присутствия духа и решил обратиться с требованием работы к мэру.

Мэру он предъявил свою рабочую книжку, где содержались полицейское удостоверение его личности и аттестаты хозяев. Так как кража и нищенство запрещены законом, заявил Прудон мэру, то он требует от правительства работы. Разумеется, никакой работы он не получил; мэр пригрозил выслать его из города, и он принужден был удалиться с пустыми руками, не имея возможности постоять за то, что он считал своим правом, но дав себе слово никогда не забывать этого случая.

Вернувшись в Безансон, Прудон вместе с одним товарищем устроил свою собственную небольшую типографию. Он продолжал много читать, по-прежнему без особенного выбора и без всякой системы. Кроме теологии и философии, он интересовался в это время языкознанием. Круг знакомых Прудона значительно расширился, и он приобрел нескольких новых друзей, из которых наиболее замечательны Бергман и Аккерман. Первый был известным филологом, сделавшимся впоследствии профессором в Страсбурге. Прудон постоянно относился к нему с большим уважением и дружбой. Переписка между ними продолжалась всю жизнь. Аккерман тоже был филологом, хотя и не таким известным. Он пописывал стихи, не имевшие в публике особого успеха, и мечтал реформировать французскую поэзию и прозу. Эти два человека, и в особенности Бергман, оказали большое влияние на умственное развитие Прудона. В жизни последнего дружба вообще играла очень большую роль. Можно сказать, что для него дружба была тем, чем является любовь для большинства людей. Любви к женщине Прудон почти не знал. Во всей его громадной переписке можно найти только одно письмо, где он говорит о своей любовной истории. Его первая любовь была и последней. Он любил простую девушку, работницу в Безансоне. Обстоятельства их разлучили, – кажется, он не особенно горевал об этом. В письме к ней он говорит, что участь хороших и честных людей – страдание, что он будет бороться против зла и несправедливости в человеческом обществе, а она должна молиться о его успехе, о том, чтобы у него хватило силы и мужества для борьбы. Все письмо дышит решимостью и энергией, но в нем не видно любви, не видно искреннего и глубокого чувства.

Но если Прудон мало любил женщин, он мог быть верным и преданным другом и товарищем. Друзья составляли для него семью, с ними он делился всеми своими радостями и горестями, сообщал им все свои заветные мысли, жил с ними общей жизнью. Для того, чтобы повидаться с Бергманом, который был в отсутствии около года, он не побоялся пройти пешком все расстояние от Парижа до Безансона, искалечить себе ноги и утомить себя до последней степени, – и все это ради того, чтобы его друг не уехал, не простившись с ним. После того, как Бергман женился и стал реже переписываться с Прудоном, последний пишет ему письмо, полное тревоги за охлаждение их дружбы; письмо начиналось словами: “У меня двенадцать друзей, которых я не забываю ни при каких обстоятельствах, которые составляют существенный элемент в моей жизни и с которыми я совещаюсь относительно всего, что предпринимаю. Ты из них первый, но теперь ты стал мужем и отцом семейства. Не изменился ли ты ко мне? Отвечай мне, докажи мне, что я не прав. Мне это необходимо”.

В письме к одному из этих двенадцати, доктору Маге, Прудон поместил следующий красноречивый дифирамб дружбе: “Что такое жизнь без дружбы? Наука искушает ум и губит чувство; власть опьяняет человека и тешит его тщеславие; религия без добрых дел – одно лицемерие. Богатый мне ненавистен своим эгоизмом; я презираю беспечность и ветреность влюбленного; сластолюбивый эпикуреец внушает мне отвращение. Но как только божественная дружба осеняет мою душу, все приобретает новый блеск и сияние. Дружба облагораживает наслаждение, любовь, власть, богатство, науку и религию; все становится возвышенной и чище благодаря дружбе. Я смею гордиться: я всегда имел друзей. Никогда, ни в какую минуту жизни, я не чувствовал пустоты в своем сердце, не испытывал недостатка в дружбе”.

И действительно, друзья Прудона умели его ценить и относились к нему так же тепло и искренне, как он относился к ним. Со многими он остался дружен до конца жизни, несмотря на различие их общественного положения и политических убеждений. Как человеку бедному, часто даже крайне нуждающемуся, ему много раз приходилось пользоваться материальной поддержкой друзей, – и это не портило их отношений, не вносило диссонанса в их взаимное доверие и уважение. Хотя общественное положение Прудона в начале 30-х годов было далеко не блестящее и он не имел никакого образовательного ценза, он пользовался таким уважением со стороны людей, его знавших, что ему предложили быть редактором местной газеты. Но Прудон не решился взяться за это дело; он не чувствовал себя способным быть публицистом и говорить с одинаковой легкостью обо всем в мире. Кроме того, он желал придать газете республиканский характер, что совсем не соответствовало видам издателя.

В 1837 году Прудон написал свое первое сочинение “Опыт всеобщей грамматики”. Это была небольшая брошюра, составляющая нечто вроде приложения к научному сочинению аббата Бернсье “Основные элементы языков”. Молодой автор не проходил правильного и систематического курса языкознания и потому в своем “Опыте” сделал несколько довольно странных заключений, от которых впоследствии он сам отказался. Между прочим, он говорит, что на основании изучения языков можно утверждать единство человеческого рода и происхождение всех племен от еврейского народа. Ему кажется, что при помощи языкознания можно доказать не только существование Бога, но и все основные догматы католической религии. Прудон был совсем не знаком с санскритом, и уже по одному этому его попытки объяснить происхождение языков не могли быть удачными, что не помешало ему, однако, обнаружить в написанном впервые сочинении все особенности своего дарования – местами блестящий стиль, не вполне ясное и систематическое изложение, остроумные, но рискованные заключения, отрывочную и неполную эрудицию. Прудон представил свою брошюру в Безансонскую академию наук для соискания премии Вольнея. Академия не присудила ему премии, но обратила внимание на его труд как на оригинальный и доказывающий большую силу мышления в авторе. При этом академия выразила сожаление, что автор слишком часто уклоняется от опытного и сравнительного научного метода. Недостаток научного метода навсегда остался слабой стороной сочинений Прудона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.